Известия, 1965 12 апр.

ТАИНСТВА СМЕХА

Аркадий РАЙКИН

Меня попросили написать статью. О сатире. Однажды вечером, возвратившись домой после спектакля, я выпил чашку кофе, сел за письменный стол и под впечатлением недавней встречи со зрителями бойко написал:

«Вряд ли найдется в наши дни человек, рискнувший бы утверждать, что сатира... не нужна. Такая соблазнительно благополучная точка зрения скомпрометирована окончательно. Уже недалеко то время, когда совсем вымрет осмеянный еще Ильфом и Петровым тип «гражданина-Аллилуйщика», признающего лишь сатиру, которая не столько обличает, сколько воспевает. В классическом варианте «гражданин-Аллилуйщик», как известно, был поборником мужской паранджи и играл с утра на трубе гимны и псалмы, считая, что именно таким образом надо помогать строительству социализма. Сейчас, когда ведется нелицеприятная борьба с парадностью и шумихой...»

...Но тут мое перо дрогнуло. Дверь заскрипела, и в комнату вошел мой старый знакомый, которого я в разных лицах нет-нет да и встречаю в зрительном зале. Он редко смеется, почти не аплодирует. Это он придумал заветную формулировку: «Наряду с огромными достижениями есть у нас и отдельные недостатки» и закрывает глаза на все, что не укладывается в прокрустово ложе заранее составленной схемы. Он сел рядом со мной, нежно заглянул через плечо и, отодвинув в сторону рукопись, задумчиво спросил:

— Обличаете?

— Обличаю,— сознался я.

— За чашкой чая, на сон грядущий?

— Что делать. Смеяться, право, не грешно...

— А не кажется ли вам, гражданин Райкин, что сатира должна помогать нашему движению вперед?

— Я в этом уверен. Иначе бы профессия сатирика в нашем обществе была бессмысленной. Когда со сцены звучит сатирическое произведение, а в зале раздается дружный смех и аплодисменты, это уже движение вперед. Ведь это звучит общественное мнение сотен и тысяч людей, которых сатирик сделал своими единомышленниками, сагитировал на борьбу с отрицательными явлениями, которые нам мешают.

— Значит, рекомендуете идти на поводу у зрителя. Понятно. Но ведь зритель-то еще не народ. Зритель — публика.

— Мне всегда казалось, что народ — это люди. Рабочие и инженеры, ученые и литераторы, педагоги и студенты, агрономы и врачи. Когда они выходят на улицу — это прохожие, садятся в трамвай — пассажиры, идут в парикмахерскую — клиенты, в поликлинику — пациенты, в театр — публика. Почему же до тех пор, пока люди стоят у станков, конструируют машины, лечат больных, строят дома,— они народ, мнение которого мы ценим, к словам которого прислушиваемся и частицу которого сами составляем. Но как только люди, закончив рабочий день, переодеваются в праздничные костюмы и заполняют залы эстрадных театров, они превращаются в «публику», мнение которой уже не имеет для нас особого значения.

По-вашему, сатирики, чьи произведения имеют успех, не понимают всей странности положения? Получается так: услышав, как аплодирует им зритель, сатирики эти, будь они более проницательны и дальновидны, должны были бы пересмотреть весь свой жизненный путь, попытаться начать его заново и, упорно работая над собой, добиться в конце концов, чтобы их интермедии, басни и фельетоны не вызывали бы никакой реакции зрителей. А исполнители покидали бы сцену в полной тишине, но зато с гордым сознанием, что они «не идут на поводу у зрителя»?

— А если зритель будет смеяться и аплодировать не в том месте, где нужно?

— Сатирик никогда не должен уподобляться тому анекдотичному радиодиктору, который обмолвился в названии музыкального номера и после того, как номер был уже исполнен, объявил: «Товарищи радиослушатели, вы сейчас ошибочно прослушали выступление пианиста Н. Исполнялся не вальс Шопена, а музыка Венявского...». Ошибочно прослушали! Так что «не тех» мест, с которых вы говорите, у настоящих сатириков не бывает. В сатире, как ни в каком другом жанре, цель предельно обнажена, а смех — целеустремлен. Сатирик должен наперед предвидеть общественный резонанс своих слов — это такая же элементарная обязанность нашей профессии, как для солистки балета уметь танцевать. Именно поэтому я назвал бы сатирический театр и самым веселым, и самым серьезным театром, который ставит наиболее злободневные вопросы нашей жизни.

— Злободневные, говорите? Но злободневность бывает разная...

— Знаю, знаю! Вы хотите сказать, что бывает и «спекулятивная злободневность». Этот оборот мне прекрасно известен. С его помощью можно все легко превратить в свою противоположность, как и делали — по счастью уже в прошлом — иные угрюмые критики. Острые темы они называли «игрой с псевдоострыми темами», автора едкого фельетона обвиняли в «искажении действительности», в разоблачении бюрократа усматривали «поклеп на советский аппарат», изображение взяточника именовали «уходом от главного направления нашей жизни», символичность произведения, его подтекст — «туманными намеками». Что касается «туманных намеков», которыми вы называете аллегорию, символику, обобщение, то без них литература обойтись не может.

Это древнейшее безотказное средство художественной изобразительности. Как-то в период Отечественной войны избегали по дипломатическим соображениям прямо говорить, тем более писать, что союзники медлят с открытием второго фронта. Мы поставили тогда спектакль «Кроме шуток», где говорилось о том, как было бы хорошо, если бы весь мир жил по одним часам,— а то мы считаем, что в самый раз, а в Нью-Йорке считают, что рано. Зрители, между прочим, прекрасно поняли наши «туманные намеки» и бурно на них реагировали, потому что это волновало и тревожило тогда всех.

— Довольно воспоминаний. Вы лучше скажите, согласны ли с тем, что надо показывать положительного героя.

— Согласен. Безусловно. А вот вы, очевидно, не согласны с тем, что у сатиры есть свои специфические законы. Давайте же не будем предъявлять сатире требования, ликвидирующие ее как жанр. Сатирик — фигура политически активная. Он передовой человек эпохи, страстный пропагандист новой морали, коммунистического образа жизни. Он утверждает положительное путем непримиримого отрицания отрицательного — таково его гражданское и профессиональное место в общественной борьбе. Сатира — обратная сторона оптимистичности. Не высмеивать недостатки — легкий способ делать вид, что их не существует. А если они существуют? Да еще, оставаясь неразоблаченными, развиваются? В том-то и заключается долг сатирика, чтобы публично пресекать дурное, пошлое, неразумное. Он борется с прошлым во имя утверждения нынешнего и будущего. А со своим прошлым человечество, как заметил классик, расстается смеясь...

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

— Не к месту сказано. Во всяком случае сатирик, который смеется последним, смеется, как правило, плохо. Великое таинство смеха кончается там, где кончается первооткрыватель и начинается комментатор. К сожалению, мы, сатирики, нередко забываем об этом, набрасываемся на какую-нибудь одну или какие-нибудь одни признанные и апробированные темы, талдычем их на все лады, упуская из виду порой даже цель, ради которой смеемся. Вспомните хотя бы, сколько иронии израсходовали некоторые писатели и конферансье на изобличение узких брюк и танцевальных новинок. Но прошло немного времени, и они сами стали носить предметы своих издевок, а на домашних вечеринках танцевать нечто совсем не похожее на па-де-грас. Ну совсем как в известной притче: «Катился с горы камень, видно, дело у него было большое. Встречает другого. Пойдем, говорит, со мной, в огороде мышь завелась — надо помочь людям. Покатились они вместе по дороге, встречают третьего... четвертого... пятого... десятого. И вот уже целый каменный вихрь движется на мышь. Налетели — и ничего не осталось ни от мыши, ни от огорода, ни от людей...»

Вместе с тем сатирики нередко «проходили мимо» многих по-серьезному болезненных явлений. Например, если только теперь широко ставится вопрос о недостатках школы в воспитании молодежи, то ответственность за «опоздание» должны чувствовать не только работники Академии педагогических наук, но и сатирики. Мы справедливо гордимся, когда обращаем внимание общественности на то, о чем еще никто не говорил и не писал, но мы должны чувствовать горечь и извлекать уроки, когда фактически поощряем плохое своей близорукостью и молчанием. А так будет получаться всегда, если сатирики станут ограничивать себя темами малозначительными, где можно отделаться изящной шуточкой и безобидным каламбуром.

Смех — это не только шутка. Смех может быть и горьким. Разве не больно сознавать, что в наше время живут еще и бюрократизм, и нигилизм, и подлость, и карьеризм, и чванство, и невежество, и забвение интересов общества.

— А что скажут за границей?

— Враги все равно ничего хорошего не скажут. На то они и враги. А друзья и люди думающие, знакомясь с советской сатирой, говорят, что в СССР горячо и последовательно борются с человеческими недостатками, потому что твердо решили их преодолеть. Так мне сказал во время пребывания в Англии один англичанин, посмотрев интермедию «Лестница славы». В ней идет речь о людях, которые, поднимаясь по лестнице успеха, неминуемо падают, если отрываются от окружающих, забывают старых друзей.

Наш театр сейчас снова готовится к поездке в Англию, Венгрию и Болгарию. Мы покажем лучшие фрагменты из многих программ, в частности, и новой — «Волшебники живут рядом». И нам будет приятно, если мы сможем доказать, что в нашей социалистической стране сатира стала утверждающим искусством, ибо, обличая плохое, она помогает людям становиться лучше, смелее и увереннее идти вперед. Поэтому сатиру надо активно развивать, а не упрекать, как писал мне один весьма вдумчивый оппонент, что, «осмеивая неполадки в работе городского транспорта, мы недооцениваем уровень отечественного транспортостроения, которое создало космические корабли, вот-вот полетящие на Луну». Говоря «активно развивать», я имею в виду, разумеется, и творческое использование всего богатства уже имеющихся традиций.

Я веду речь о традициях, а не о пережитках, выросших на ниве мелкотемья. О них еще Маяковский, гневный и тонкий сатирический писатель, сказал: «Одного боюсь — за вас и сам — чтоб не обмелели наши души, чтоб мы не возвели в коммунистический сан плоскость раешников и ерунду частушек». Важно не только, что сказать, но и как сказать. Короче, требуется от сатирика талант. А талант действительно, как деньги: есть — есть, нет — нет...

...Я посмотрел в окно. Рассветало. Уже торопились на работу люди — наши верные зрители и читатели, с которыми мы прошли немалый путь, с которыми мы в самые трудные времена смеялись над пороком, с которыми вместе стремились улучшить дела. Это не условное собрание мужчин и женщин и не чисто теоретическое уравнение, решаемое каждый раз в зависимости от художественного вкуса и интеллектуальных потребностей того или иного критика-профессионала. Это реальный наш зритель и читатель. Мы ему доверяем, мы его любим и рады, когда он аплодирует. Вот и сейчас я решил поделиться сомнениями, одолевшими меня, когда я принялся писать статью о проблемах сатирического жанра. В общем статью, как видите, я не написал. В другой раз. А впрочем, может, тогда уже не будет и необходимости?